

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ЯЗЫКОВОЕ НЕРАВЕНСТВО НА УКРАИНЕ: ПОЧЕМУ НОВЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НЕ РАСПРОСТРАНЯЮТ- СЯ НА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГРАЖДАН

Принятый Верховной радой Украины 12 октября 2026 года Закон № 5008-IX, расширяющий образовательные права коренных народов и национальных меньшинств, вновь поставил вопрос о принципах, на которых строится языковая политика украинского государства. Документ предусматривает дополнительные гарантии для языков коренных народов Украины и языков национальных меньшинств, являющихся официальными языками Европейского союза. Русский язык в эту категорию не включён.

В результате представители одних языковых общин получают дополнительные правовые возможности для сохранения языка в образовательной среде, тогда как русскоязычные граждане оказываются за пределами нового специального режима защиты. Это различие имеет не только символическое, но и практическое значение, поскольку касается условий использования языков в школах, организации образовательного процесса, сохранения культурной самобытности и доступности отдельных образовательных гарантий.

Сама по себе поддержка языков национальных меньшинств является необходимой составляющей защиты культурного разнообразия. Государство вправе создавать специальные условия для сохранения языков, которые нуждаются в институциональной поддержке, обеспечивать преподавание на этих языках и защищать соответствующую образовательную

инфраструктуру. Однако правомерность таких мер не снимает вопроса о критериях их предоставления. Если сохранение родного языка признаётся общественно значимой целью, необходимо объяснить, почему доступ к дополнительным гарантиям определяется статусом языка как официального языка Европейского союза и почему аналогичный механизм не предусмотрен для русскоязычных граждан. Именно в этом заключается основная проблема нового регулирования: законодатель расширяет возможности одних языковых общин, но не распространяет соответствующий специальный режим на другую крупную языковую группу.

Языковая политика Украины на протяжении последних лет развивается в условиях противоречия между укреплением украинского языка как государственного и необходимостью обеспечивать права граждан, использующих другие языки. Само по себе приоритет государственного языка в публичной сфере не является нарушением прав человека. Государство вправе устанавливать требования к его изучению и использованию в образовании, государственном управлении и других сферах общественной жизни. Однако эти полномочия не означают, что языковые потребности других групп населения могут игнорироваться или что право сохранять родной язык должно зависеть исключительно от политических и международных обстоятельств. Конституционная модель предполагает не только особый статус укра-

инского языка, но и гарантии свободного развития, использования и защиты русского и других языков национальных меньшинств.

Закон № 5008-IX необходимо рассматривать именно в этом контексте. Он предусматривает дополнительные возможности использования соответствующих языков в образовательном процессе и школьной коммуникации, устанавливает условия предоставления отдельным учебным заведениям статуса учреждения национального меньшинства, допускает дублирование некоторых документов и надписей на соответствующем языке, предусматривает включение элементов национальной истории и культуры в образовательные программы.

Кроме того, поправки касаются продолжения обучения в случае реорганизации или ликвидации образовательного учреждения и возможности предоставления переводов заданий внешнего независимого оценивания на определённые языки при соблюдении установленных законом условий. Т

аким образом, речь идёт о комплексе инструментов, способных поддерживать язык не только как предмет изучения, но и как средство повседневного общения, культурной преемственности и организации школьной жизни.

Русский язык, однако, не соответствует критерию официального языка Европейского союза, закреплённому в новом регулировании.

Продолжение на стр. 4

ПРАВО НЕ ХОТЕТЬ ВОЙНЫ: КОГДА НЕСОГЛАСИЕ ОБЪЯВЛЯЮТ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ

В центре мобилизационного кризиса находится вопрос, который украинская власть предпочитает рассматривать прежде всего как вопрос дисциплины и государственной безопасности: имеет ли человек право не хотеть воевать? Не уклоняться от закона любыми средствами, не совершать преступлений и не помогать вооружённым силам противника, а именно — не желать участвовать в боевых действиях, хотеть, чтобы война закончилась, требовать переговоров и открыто критиковать политическое руководство за решения, которые, по его мнению, ведут к продолжению кровопролития.

Это не отвлечённая философская проблема. Для человека, которого могут мобилизовать, вопрос о продолжении войны — вопрос собственной жизни. Для его семьи — вопрос того, вернётся ли близкий человек домой. Для родителей — вопрос того, не останутся ли дети без отца. Для жены или мужа — вопрос того, не разрушится ли семья. Для человека, который уже пережил потерю близких, ранение или психологическую травму, перспектива отправки на фронт может быть источником постоянного страха. Государственная риторика о долге не отменяет этих человеческих обстоятельств.

Человек не обязан испытывать воодушевление перед перспективой погибнуть. Он не обязан считать любое решение президента правильным только потому, что страна находится в состоянии войны. Он вправе задавать вопросы о целях военных действий, цене принимаемых решений, возможности переговоров, условиях прекращения огня и перспективах политического урегулирования. Само по себе желание мира не доказывает ни поддержки России, ни готовности сотрудничать с российскими спецслужбами, ни отказа от права Украины на существование. Между призывом прекратить кровопролитие и содействием противнику существует принципиальная юридическая и нравственная разница.

Однако в условиях затяжной войны публичная дискуссия о мире может превращаться в проверку политиче-

ской лояльности. Человека, выступающего за переговоры, рискуют представить не как гражданина с собственной позицией, а как носителя чужой пропаганды. Критика президента может интерпретироваться как попытка ослабить государство. Сомнения в эффективности военной стратегии — как подрыв боевого духа. В результате общественная дискуссия начинает сужаться до опасной формулы: правильным признаётся только такое мнение, которое не ставит под сомнение действия руководства в военное время.

Если государство требует от гражданина готовности идти на фронт, оно должно допускать содержательный общественный разговор о целях, условиях и последствиях войны. Иначе гражданин оказывается в положении, когда от него требуют не только подчинения законным обязанностям, но и фактического отказа от права самостоятельно оценивать решения власти. Между законным ограничением деятельности, которая реально помогает противнику, и подавлением политического несогласия должна существовать чёткая граница. Если её размыкают, обвинение в нелояльности становится универсальным способом отмахнуться от неудобного вопроса.

Право на свободу выражения мнения закреплено в статье 34 Конституции Украины. Это право не является абсолютным: в условиях войны закон может предусматривать определённые ограничения ради национальной безопасности и общественного порядка. Но такие ограничения должны иметь правовое основание, преследовать легитимную цель и быть необходимыми и соразмерными. Нельзя считать любое выступление за мир преступлением только потому, что оно неудобно властям. Нельзя автоматически приравнивать критику президента к помощи противнику. И нельзя подменять доказательство конкретного преступного действия ярлыком, который заранее лишает человека права быть услышанным.

Проблема становится особенно острой, когда речь идёт не только о публичных заявлениях, но и об уголовном преследовании. В Украине су-

ществуют статьи уголовного законодательства, связанные с государственной изменой, коллаборационной деятельностью и «оправданием российской вооружённой агрессии». Государство вправе расследовать реальные случаи передачи противнику военных сведений, содействия его операциям и иных преступных действий. Но обвинение в подобном преступлении должно опираться на конкретные доказательства, а не только на то, что человек выступал за переговоры, критиковал президента или выражал непопулярное мнение.

Правозащитная проблема возникает там, где гражданин не может предсказать, останется ли его высказывание законной политической критикой или будет истолковано как основание для преследования. Международная организация Freedom House отмечала, что затяжная война, поляризация общества и многочисленные дела о коллаборационизме оказывают давление на политическое выражение мнений в Украине и способствуют самоцензуре. Организация также обращала внимание на чрезмерно широкое толкование отдельных норм, способное создавать правовые риски даже для людей, чьи контакты с оккупационными структурами были связаны с выживанием или предоставлением базовых услуг. Это не доказывает, что каждый осуждённый по таким делам преследуется за убеждения, но подтверждает необходимость строгого контроля за тем, как применяются соответствующие нормы.

Продолжение войны не является явлением, за которое никто не отвечает. Это результат военных, дипломатических, политических и стратегических решений, принимаемых конкретными руководителями и институтами. Поэтому граждане вправе спрашивать власть, каковы заявленные цели войны, какие условия она считает приемлемыми для переговоров, какие дипломатические возможности рассматриваются, какие альтернативы оценивались и как руководство учитывает цену затяжного конфликта для населения.

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 1, 2

Такие вопросы не становятся незаконными из-за того, что на них трудно ответить. Не становятся они предательством и потому, что могут вызывать раздражение у сторонников более жёсткой линии. В демократическом обществе политическое руководство должно объяснять свои решения, особенно когда эти решения связаны с мобилизацией, ограничениями свободы передвижения, продлением военного положения и человеческими потерями. Власть не может требовать от общества бесконечного терпения, отказываясь от содержательного обсуждения того, к чему ведёт избранный курс.

Президент Владимир Зеленский и его политическое окружение несут ответственность за собственные решения и за работу государственных институтов в пределах своих полномочий. Их решения можно и нужно критиковать, сопоставлять публичные заявления с действиями, анализировать переговорную позицию и требовать объяснений по вопросам коррупции и государственного управления. Но утверждение, будто президент намеренно затягивает войну ради личной выгоды, требует самостоятельных доказательств. Политическая критика становится сильнее, когда опирается на конкретные решения, последствия и документы, а не на заявления о недоказанных мотивах, что всё чаще встречается на практике у граждан Украины в их повседневной жизни.

Вместе с тем власть не может использовать отсутствие доказательств личного преступного умысла как повод уйти от политической ответственности. Политическая ответственность шире уголовной: она включает обязанность объяснять решения, признавать ошибки, обеспечивать контроль над чиновниками и отвечать на обоснованную критику. Для постановки вопроса о политической ответственности президента не требуется заранее доказывать, что он совершил уголовное преступление. Достаточно обсуждать его решения, последствия этих решений и эффективность механизмов контроля, не подменяя политический спор уголовным приговором.

Особенно остро это воспринимается на фоне коррупционных расследований, затрагивающих высокопоставленных чиновников и людей

из политического окружения президента. В 2026 году украинские антикоррупционные органы сообщали о расследовании предполагаемых коррупционных схем в энергетическом секторе и о деле, в котором фигурировали бывшие высокопоставленные должностные лица. Такие расследования не доказывают личной виновности Зеленского, если он не признан виновным судом и соответствующие обвинения не предъявлены ему в установленном порядке. Но они дают обществу законное основание требовать прозрачности, независимости антикоррупционных органов и объяснений относительно качества контроля над окружением власти (<https://www.reuters.com/world/>).

Когда от обычного гражданина требуют подчинения под угрозой серьёзных последствий, а в отношении влиятельных лиц возникают вопросы о коррупции и злоупотреблении полномочиями, общество вправе требовать равенства перед законом. Нельзя говорить гражданину, что он обязан безоговорочно доверять государству, если само государство не обеспечивает прозрачность и подотчётность. Доверие нельзя получить приказом. Оно возникает тогда, когда правила применяются ко всем, нарушения расследуются, а политические решения можно обсуждать без автоматического подозрения в предательстве.

Человек вправе считать, что войну необходимо заканчивать переговорами. Он может полагать, что продолжение боевых действий приносит обществу неприемлемые потери, что политические цели должны быть пересмотрены или что руководство неверно оценивает перспективы конфликта. Другой гражданин может придерживаться противоположной позиции и считать продолжение сопротивления необходимым. В демократической политике подобные разногласия не должны разрешаться угрозами, насилием или уголовными ярлыками.

Граница проходит не между сторонниками войны и сторонниками мира, а между законным выражением мнения и конкретными действиями, которые действительно нарушают закон. Призыв к переговорам, критика президента, требование отчёта о потерях или сомнение в эффективности стратегии сами по себе не равнозначны передаче военных секретов, вербов-

ке для противника или участию в его операциях. Если следствие утверждает обратное, оно должно представить доказательства, а суд — проверить их с соблюдением права на защиту.

Особенно важны независимость суда, доступ к адвокату, презумпция невиновности и публичная мотивировка судебных решений. В условиях войны эти гарантии не должны превращаться в пустую формальность. Наоборот, чем выше риск политизации уголовного преследования, тем важнее, чтобы обвинение доказывало конкретные действия человека, а не ссылалось на его непопулярные взгляды. В противном случае любой спор о будущем страны рискует стать опасным для тех, кто не согласен с действующей властью.

Сторонники мира не обязаны соглашаться между собой по всем вопросам. Одни могут выступать за немедленное прекращение огня, другие — за переговоры при определённых гарантиях безопасности, третьи — за международное посредничество или пересмотр целей войны. Это разные политические позиции, и каждая должна оцениваться по содержанию, а не по ярлыку. Государство вправе пресекать конкретные преступные действия, но не вправе требовать от общества единомыслия по вопросам войны и мира.

Если человек боится публично сказать, что хочет прекращения боевых действий, потому что опасается потерять работу, подвергнуться травле или стать объектом уголовного преследования, это указывает на проблему общественного климата и гарантий свободы выражения. Сам по себе страх не доказывает, что каждое подобное опасение вызвано действиями властей, однако систематические сообщения о давлении, судебные дела и ограничения независимых СМИ требуют открытого обсуждения. Молчание общества нельзя автоматически принимать за согласие с государственной политикой.

Гражданин, который хочет выступить против мобилизационного произвола или публично потребовать мирного урегулирования, должен понимать разницу между политическим выражением мнения и действиями, способными повлечь юридическую ответственность.

Продолжение на стр. 16

Продолжение. Начало на стр. 1

Следовательно, русскоязычные граждане не могут претендовать на весь комплекс дополнительных гарантий на том же основании, что и представители охватываемых законом языковых общин. Это не означает, что закон запрещает любое использование русского языка или автоматически отменяет все существующие языковые права его носителей. Юридически корректнее говорить о другом: русскоязычная община исключена из специального режима дополнительных образовательных гарантий, предоставляемого по критерию, который не учитывает непосредственно ни потребность в сохранении языка, ни индивидуальные языковые обстоятельства учащихся и их семей.

Такое различие требует обоснования. Формальный статус языка как официального языка Европейского союза позволяет определить круг языков, на которые распространяются поправки, но сам по себе не отвечает на вопрос, почему именно этот статус должен служить решающим условием доступа к дополнительным гарантиям. Если цель закона состоит в сохранении культурной самобытности, необходимо объяснить, каким образом международный статус языка связан с потребностями людей, для которых этот язык является родным. Если же речь идёт о выполнении конкретных международных договорённостей,

следует показать, почему их реализация исключает возможность распространения аналогичных механизмов на другие языковые общины.

Здесь важно различать политическую целесообразность и правовое обоснование. Государство может предоставлять специальные гарантии в рамках международных соглашений, учитывать рекомендации европейских институтов и менять законодательство в процессе переговоров о вступлении в Европейский союз. Однако выполнение таких обязательств не освобождает его от необходимости соблюдать конституционные принципы равенства и недискриминации. Защита прав одной языковой общины не должна рассматриваться как основание для отказа в аналогичных гарантиях другой без убедительного объяснения причин такого различия.

Контекст европейской интеграции имеет особое значение для понимания законодательных изменений. Вопросы образовательных прав национальных меньшинств в течение длительного времени были предметом разногласий между Украиной и рядом соседних государств, прежде всего Венгрией. Одним из центральных требований было обеспечение возможностей для получения образования на родном языке и сохранения соответствующей образовательной инфраструктуры. Расширение гарантий для языков, являющихся

официальными языками Европейского союза, вписывается в этот политический контекст и связано со стремлением Украины продвинуться в процессе европейской интеграции. Сам по себе такой подход не является неправомерным.

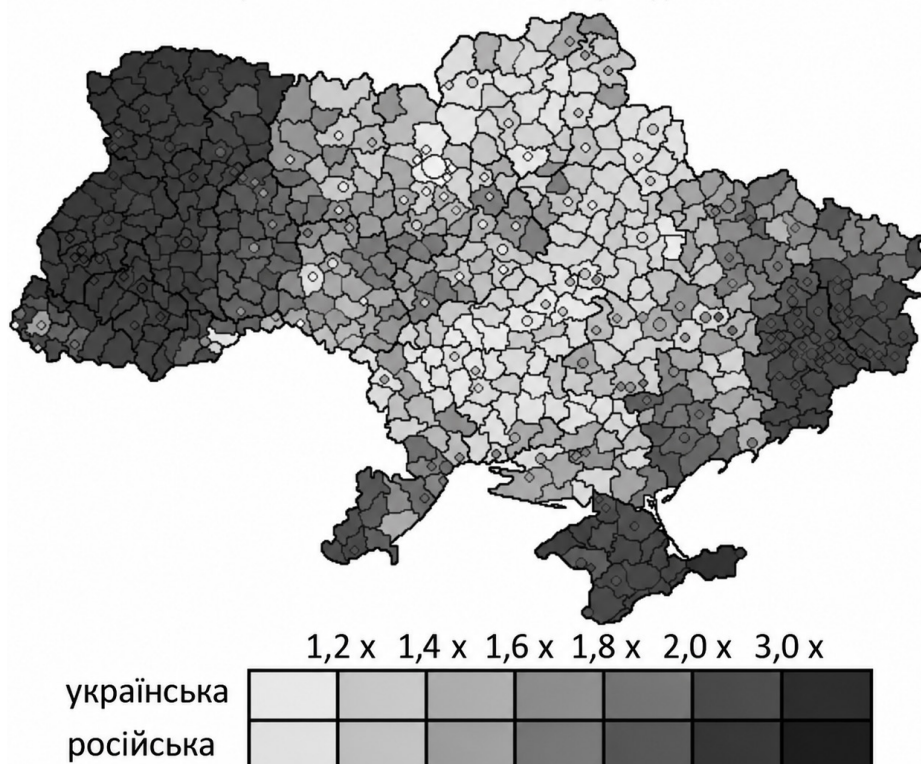
Международные переговоры могут способствовать устранению ограничений и улучшению положения национальных меньшинств. Если в результате переговоров учащиеся получают больше возможностей для обучения на родном языке, это следует рассматривать как положительное изменение. Проблема возникает не в том, что дополнительные права предоставлены венгерской, румынской или другим языковым общинам, а в том, что аналогичный вопрос о положении русскоязычных граждан остаётся за пределами нового режима.

Возникает впечатление, что объём специальных языковых гарантий определяется не единым принципом защиты культурного разнообразия, а сочетанием международных обязательств и политической целесообразности. Те языковые общины, чьё положение становится предметом межгосударственных переговоров, получают дополнительные правовые возможности. Другие группы, не включённые в соответствующую категорию, не получают сопоставимых гарантий в рамках того же закона. Подобная конструкция требует особенно внимательного анализа, поскольку создаёт риск превращения защиты языковых прав в избирательный механизм, зависящий от внешнеполитических обстоятельств.

При этом нельзя противопоставлять права венгерского меньшинства правам русскоязычных граждан. Расширение гарантий для одной группы не должно сопровождаться ограничением прав другой. Равным образом защита русского языка не предполагает отказа от укрепления украинского языка как государственного. Обе задачи могут решаться одновременно, если законодательство исходит из последовательного принципа: владение государственным языком необходимо для полноценного участия в общественной жизни, но сохранение родного языка и культурной идентичности не должно зависеть от политической оценки соответствующей языковой общины.

Особенно важно учитывать, что русский язык на протяжении длительного времени широко использовался в различных регионах Украины в семейном общении, городской среде, культуре, литературе и профессиональной жизни.

Співвідношення двох найпоширеніших мов, володіння якими вказали користувачі соцмережі «VK» у своїх профілях (станом на жовтень 2015 року)

Продолжение на стр.5

Продолжение. Начало на стр. 1,4

Для многих граждан он является родным языком или основным языком повседневного общения. При этом язык, на котором человек разговаривает с семьёй, друзьями или коллегами, не определяет автоматически его гражданскую принадлежность, политические взгляды или отношение к государству. Русскоязычные граждане не представляют собой однородную группу с единой идентичностью и политической позицией. Их объединяет языковая практика, но не обязательно общие убеждения или одинаковое отношение к государственной политике.

Поэтому исключение русского языка из специальной системы образовательных гарантий затрагивает людей независимо от их индивидуальной позиции. Речь идёт не о предоставлении преимуществ на основании поведения конкретных граждан, а о применении критерия, связанного с международным статусом языка. Этот критерий действует в отношении языковой группы в целом, не учитывая индивидуальные потребности учащихся и семей. Именно поэтому необходимо отдельно оценивать, насколько такое решение соответствует принципу равенства и оправдано ли оно с точки зрения целей образовательной политики.

Статья 10 Конституции Украины закрепляет украинский язык в качестве государственного, но одновременно предусматривает гарантии свободного развития, использования и защиты русского и других языков национальных меньшинств Украины. Статья 24 устанавливает равенство граждан перед законом и запрещает привилегии или ограничения по ряду признаков, в том числе языковому. Эти положения должны рассматриваться во взаимосвязи. Конституционный статус украинского языка позволяет государству устанавливать правила его использования и обеспечивать его изучение, но не отменяет обяза-

тельства учитывать языковые права других групп населения.

Конституционная гарантия защиты русского языка не означает, что он должен иметь абсолютно идентичный правовой режим с украинским во всех сферах. Государство вправе определять язык образовательного процесса, устанавливать требования к владению государственным языком и предусматривать различные формы поддержки языков меньшинств. Однако любые различия должны иметь достаточное обоснование. Важно не только то, что законодатель установил формально ясный критерий, но и то, насколько этот критерий связан с легитимной целью регулирования и не создаёт ли он необоснованного неравенства.

В отношении закона № 5008-IX центральным становится вопрос о соразмерности. Если цель состоит в сохранении языковой и культурной идентичности национальных меньшинств, почему дополнительные гарантии предоставляются только языкам, имеющим статус официальных языков Европейского союза? Почему потребности русскоязычных граждан не рассматриваются в рамках аналогичной модели? Можно ли было обеспечить выполнение международных обязательств и одновременно предусмотреть другие механизмы защиты языков, не входящих в установленную категорию? Без ответа на эти вопросы формальная ссылка на международный статус языка не является исчерпывающим обоснованием различий.

Для установления юридически доказанной дискриминации недостаточно самого факта неодинакового регулирования. Право допускает различия, если они преследуют законную цель, основаны на объективных критериях и являются соразмерными. Поэтому нельзя утверждать, что принятие закона автоматически доказывает его неконституционность. Но столь же неверно считать, что отсутствие прямого

запрета русского языка полностью снимает проблему. Неравенство может выражаться не только в запретах, но и в неодинаковом доступе к государственным гарантиям, образовательным возможностям и институциональной поддержке.

В данном случае имеются основания говорить о риске дискриминационного неравенства, поскольку дополнительная защита предоставляется определённым языковым общинам, тогда как русскоязычные граждане исключены из специального режима по формальному критерию. Это различие требует содержательного объяснения и проверки на соответствие конституционным принципам. Правовая критика закона должна быть направлена именно на отсутствие убедительного обоснования того, почему сохранение одних языков получает дополнительную институциональную поддержку, а русский язык не включается в аналогичную систему.

Международные обязательства Украины также имеют значение для оценки этого вопроса. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет принцип равенства перед законом и содержит гарантии для лиц, принадлежащих к языковым меньшинствам. Статья 27 Пакта предусматривает, что таким лицам не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своим языком. Эта норма не устанавливает безусловного права получать образование исключительно на любом выбранном языке во всех государственных учреждениях. Однако она требует учитывать возможность использования родного языка и не позволяет рассматривать языковые потребности меньшинств как не имеющие самостоятельного правового значения.

Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств предусматривает обязательства по обеспечению равенства и созданию условий для сохранения культуры, языка, религии, традиций и культурного наследия национальных меньшинств. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств также направлена на защиту и развитие соответствующих языков, в том числе в сфере образования и культуры. Конкретный объём обязательств государства определяется применимыми положениями этих документов и принятыми им обязательствами. Поэтому правовая оценка закона должна основываться на содержании соответствующих норм, а не на общих ссылках на европейские стандарты.

**РУССКИЙ ЯЗЫК
(RU)
НА УКРАИНЕ**

Продолжение на стр.6

Продолжение. Начало на стр. 1,4,5

Из международного права не следует, что все языки должны получать совершенно одинаковый статус или что любые различия автоматически являются незаконными. Но стоит рассмотреть, что предполагают международные права в этой сфере. Международные нормы требуют учитывать права языковых меньшинств и соблюдать принцип недискриминации. Следовательно, исключение русского языка из специальной системы гарантий нельзя считать юридически незначимым лишь потому, что оно оформлено посредством классификации языков. Необходимо оценить, оправдан ли такой критерий, соответствует ли он заявленной цели и не приводит ли к неоправданному различию в доступе к образовательным возможностям.

Образование имеет особое значение для сохранения языковой идентичности. Школа является одним из основных институтов передачи языка от поколения к поколению. В образовательной среде дети получают возможность не только изучать язык как предмет, но и использовать его в общении, знакомиться с литературой и историей своей общины, поддерживать культурную преемственность. Если язык постепенно вытесняется из образовательной среды, его использование может сужаться до семейного общения, а со временем ослабевать и в этой сфере.

Именно поэтому дополнительные гарантии, предусмотренные законом для определённых языковых общин, имеют практическое значение. Возможность использовать язык в школьной коммуникации, сохранять специальный статус учебного заведения, продолжать обучение в соответствующей языковой среде при реорганизации школы и получать определённые документы на языке общины может способствовать поддержанию языка в повседневной жизни. Эти меры создают условия для того, чтобы язык оставался частью общественной среды, а не только частного общения.

Русскоязычные граждане не получают аналогичного комплекса специальных гарантий на основании рассматриваемого закона. Последствия этого исключения будут зависеть от действующего законодательства и практики его применения, но сама нормативная асимметрия уже существует. При этом

нельзя утверждать, что закон автоматически приводит к закрытию русскоязычных школ или полностью лишает детей возможности изучать русский язык. Для таких выводов потребовались бы отдельные данные о состоянии образовательной инфраструктуры, региональной практике и применении других нормативных актов. Однако отсутствие таких данных не отменяет необходимости анализировать сам принцип дифференциации.

Здесь необходимо различать языковую интеграцию и языковую ассимиляцию. Интеграция предполагает освоение государственного языка, необходимого для участия в общественной жизни, при сохранении возможности поддерживать собственную культурную идентичность. Ассимиляция может сопровождаться постепенным вытеснением языка меньшинства из образования и публичной среды. Не всякая мера по укреплению государственного языка означает ассимиляцию, но и ссылка на необходимость владения украинским языком не освобождает государство от анализа последствий ограничений для других языковых групп.

Укрепление украинского языка и сохранение русского языка не являются взаимоисключающими задачами. Учащиеся могут осваивать государственный язык на необходимом уровне и одновременно получать возможности для изучения родного языка и сохранения культурных связей. Вопрос заключается в том, почему дополнительные гарантии для определённых языковых общин считаются совместимыми с государственными интересами, тогда как русский язык остаётся за пределами аналогичного режима. Если законодатель считает специальные меры необходимыми для сохранения языковой идентичности, он должен объяснить, почему эта потребность не рассматривается в отношении русскоязычных граждан.

Различия в языковых гарантиях имеют значение и для общественного доверия. Правовые нормы воспринимаются гражданами не только как формальные предписания, но и как выражение отношения государства к различным группам населения. Когда одни языковые общины получают дополнительные возможности для сохранения родного языка, а другие не включаются в аналогичную систему,

это может восприниматься как признание одних языковых потребностей и игнорирование других. Само по себе такое восприятие не доказывает юридическую дискриминацию, но показывает, почему критерии предоставления гарантий должны быть прозрачными и убедительными.

Особенно чувствительно это для русскоязычных граждан, поскольку язык повседневного общения нередко ошибочно используется как показатель политической лояльности. Между тем русский язык сам по себе не свидетельствует о взглядах человека, его отношении к государству или готовности участвовать в общественной жизни. Если правовой доступ к образовательным гарантиям зависит от статуса языка, а не от поведения конкретного человека, государство должно особенно внимательно оценивать последствия такого решения для равенства граждан.

В правовом государстве языковая принадлежность не должна превращаться в основание для необоснованного различия в правах. Это не означает, что любые специальные меры поддержки обязаны распространяться на всех без исключения. Однако государство должно объяснять, почему выбран именно такой критерий, каким образом он связан с заявленной целью и почему он не приводит к чрезмерному исключению отдельных групп. Формальная классификация языков сама по себе не заменяет такого обоснования.

Для полноценной оценки закона необходимо анализировать не только его текст, но и практику применения. Важно установить, какие учреждения получают специальный статус, как будут приниматься решения о реорганизации школ, какие возможности останутся у учащихся и родителей, как обеспечивается изучение государственного языка и какие механизмы существуют для сохранения других языков.

Не менее важно собирать данные о доступности учебных материалов, положении педагогических кадров, языках преподавания и реальных потребностях семей в разных регионах страны. При этом следует разграничивать оспаривание самого закона и обжалование конкретных решений органов управления образованием.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

В первом случае речь идёт о проверке соответствия нормативных положений Конституции и применимым международным обязательствам. Во втором — о том, были ли соблюдены права конкретных учащихся и родителей, правильно ли применены нормы и имелись ли законные основания для административного решения. В обоих случаях значение имеют точное определение затронутого права, документирование обстоятельств и юридически обоснованная аргументация.

Наличие оснований для критики не означает, что исход любого возможного судебного разбирательства можно предсказать заранее. Окончательная правовая оценка зависит от содержания применимых норм, обстоятельств конкретного дела и аргументов сторон. Тем не менее уже на уровне законодательной конструкции возникает вопрос, который требует публичного и юридического ответа: почему сохранение языковой идентичности признаётся основанием для предоставления дополнительных гарантий одним общинам, но не обеспечивает аналогичного специального режима для русскоязычных граждан?

Закон № 5008-IX следует рассматривать не только как техническое изменение законодательства об образовании, но и как показатель того, каким образом украинское государство определяет круг языковых общин, нуждающихся в дополнительной защите. Он расширяет возможности использования ряда языков в образовательной среде и создаёт дополнительные механизмы сохранения соответствующих школ и культурной преемственности. Вместе с тем русский язык не включён в категорию языков, охватываемых этими гарантиями, поскольку не является официальным языком Европейского союза.

Такой подход создаёт асимметрию, требующую обоснования с точки зрения принципов равенства и недискриминации. Нельзя автоматически заключить, что закон неконституционен, однако нельзя и игнорировать риск того, что установленный критерий приводит к неоправданному различию в доступе к государственным гарантиям. Если сохранение языковой и культурной идентичности действительно является целью регулирования, законодатель должен объяснить, почему

эта цель реализуется избирательно и почему русскоязычные граждане остаются за пределами специального режима.

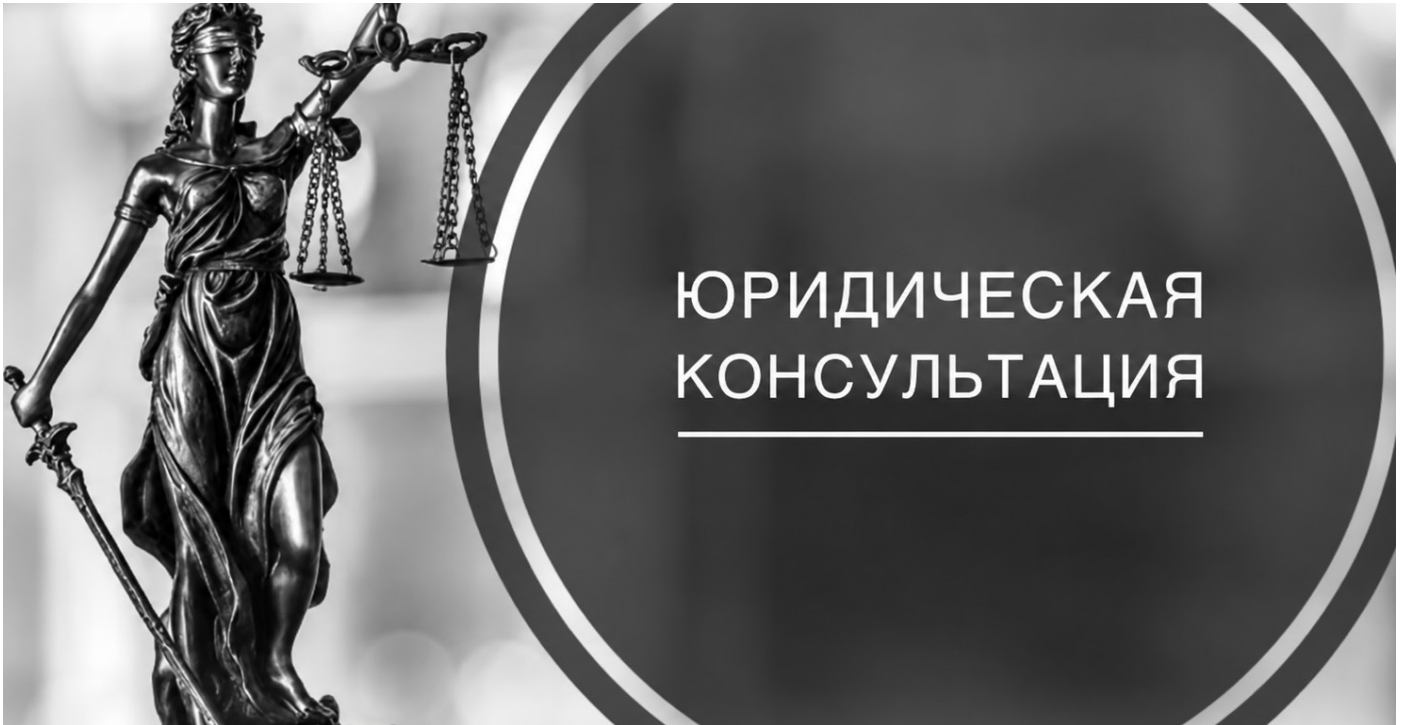
Европейская интеграция не должна превращаться в оправдание непоследовательного отношения к языковым правам. Выполнение международных обязательств и расширение гарантий для венгерской, румынской и других общин могут быть необходимыми и положительными шагами. Но они не отменяют обязанности государства учитывать положение других языковых групп и объяснять любые различия в правовом регулировании. Защита прав одной общины не противоречит защите прав другой, если законодательство исходит из универсального принципа равенства и применяет объективные, обоснованные и соразмерные критерии.

В конечном счёте вопрос заключается не в том, должен ли украинский язык сохранять статус государственного. Этот статус закреплён Конституцией и не исключает возможности защищать другие языки. Вопрос состоит в том, насколько обоснованно государство предоставляет дополнительные образовательные гарантии одним языковым общинам и исключает из этой системы другую крупную группу граж-

дан. Право на родной язык не должно зависеть исключительно от международного статуса языка, если заявленная цель регулирования заключается в сохранении культурной идентичности и обеспечении прав национальных меньшинств.

Именно поэтому новый закон требует критического правового анализа. Он создаёт дополнительные возможности для одних языковых общин, но оставляет русскоязычных граждан за пределами предусмотренного им специального режима. Такая конструкция порождает риск дискриминационного неравенства и требует проверки на соответствие конституционным гарантиям, принципу равенства перед законом и международным обязательствам Украины. Убедительность государственной языковой политики определяется не только тем, насколько последовательно укрепляется государственный язык, но и тем, насколько обоснованно государство относится к потребностям граждан, для которых родным является другой язык. Если защита языковой идентичности признаётся ценностью, она не должна превращаться в избирательную привилегию, доступную одним группам и недоступную другим без достаточного правового обоснования.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ АДВОКАТА НЕ ДОПУСКАЮТ: КАК ЗАЩИЩАТЬ ПРАВО НА ЗАЩИТУ

Человека доставили в территориальный центр комплектования, покинуть помещение ему не разрешают, а прибывшего адвоката останавливают на проходной. Родственникам отвечают, что проводится уточнение данных, защитнику предлагают подождать, сам гражданин не понимает, в каком статусе находится и сколько времени здесь проведёт. В такой ситуации юридическая помощь нужна немедленно. Необходимо установить основания ограничения свободы, разобраться в документах и выяснить, какие действия должностные лица намерены совершать дальше. Когда доступ к адвокату откладывается на неопределённое время, человек рискует остаться один перед системой, полномочия и процедуры которой ему неизвестны.

Проблема недопуска защитников при мобилизационных мероприятиях получила официальное признание. В сообщении от 26 марта 2026 года уполномоченный Верховной рады Украины по правам человека Дмитрий Лубинец указал на препятствия в доступе адвокатов к задержанным, сокрытие информации об их местонахождении и принуждение к подписанию документов. Уже сама постановка этих вопро-

сов показывает: речь идёт не просто об организации приёма посетителей. Если человеку ограничили свободу и одновременно лишили возможности получить юридическую помощь, необходимо проверять законность происходящего и добиваться восстановления нарушенных прав.

Первый вопрос, на который требуется получить ответ, — может ли человек свободно уйти. Добровольное посещение учреждения, административное задержание и задержание по подозрению в уголовном правонарушении представляют собой разные правовые ситуации. У них различаются основания, порядок оформления и способы обжалования. Поэтому фраза «его привезли в ТЦК» сама по себе ещё не объясняет, какая процедура применяется. Нужно выяснить, кто принял решение о доставлении, кто препятствует выходу, какие документы составлены и какое основание ограничения свободы называют сотрудники.

Особенно важно сопоставлять объяснения должностных лиц с фактическими обстоятельствами. Человеку могут говорить, что он не задержан, но при этом закрывать перед ним дверь, запрещать выходить или сопро-

вождать его так, что самостоятельно покинуть помещение невозможно. Подобные обстоятельства необходимо подробно описывать. Название процедуры не заменяет ответа на главный вопрос: почему гражданин не может уйти по собственной воле. При этом значение имеет вся последовательность событий — от остановки на улице и посадки в автомобиль до доставления в учреждение и первого отказа выпустить.

Точная хронология нужна не ради формальности. Позднее может возникнуть спор о времени начала ограничения свободы, продолжительности пребывания в учреждении и обстоятельствах подписания документов. Если сведения не записаны сразу, восстановить их бывает трудно. Полезно сохранить время звонков и сообщений, указать адрес, номер кабинета, известные фамилии сотрудников, контакты очевидцев. Отдельно следует отмечать, что человек видел лично, а что узнал от родственника, адвоката или другого лица. Такое разграничение делает изложение убедительнее и помогает избежать противоречий.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр. 8

При административном задержании составляется отдельный протокол. В нём должны быть отражены сведения о задержанном, должностном лице, времени и мотивах применения этой меры. Протокол об административном правонарушении и протокол об административном задержании не заменяют друг друга.

Первый относится к предполагаемому нарушению, второй — к ограничению свободы в рамках производства. Наличие одного документа не отвечает автоматически на вопросы, которые должен разрешать другой. Поэтому адвокату необходимо выяснить не просто, «оформляли ли бумаги», а какие именно документы составлены и что в них указано.

В официальных разъяснениях системы бесплатной правовой помощи применительно к нарушениям правил воинского учёта говорится, что административное задержание осуществляет полиция, а его продолжительность не должна превышать трёх часов. Но этот срок нельзя механически переносить на любые обстоятельства нахождения человека в государственном учреждении. Сначала требуется установить правовое основание ограничения свободы. Столь же неправильно исходить из того, что отсутствие протокола позволяет удерживать человека без оформления: отсутствие документа не устраняет необходимость объяснить законность фактического запрета уйти.

Самому гражданину важно прямо заявить о намерении воспользоваться юридической помощью. Формулировка должна быть понятной: «Прошу обеспечить возможность связаться с адвокатом и получить правовую помощь. От помощи адвоката не отказываюсь». Если составляются документы, следует добиваться отражения этого требования и обстоятельств, при которых оно осталось невыполненным. Устная просьба тоже имеет значение, но впоследствии может возникнуть спор о том, звучала ли она вообще. Поэтому при наличии безопасной возможности необходимо сохранять подтверждения обращения и сообщать о нём защитнику.

Здесь многое зависит от процессуального статуса человека. При уголовном задержании право на защиту связано, в частности, с возможностью

конфиденциального общения с защитником до первого допроса. При административном производстве юридическая помощь также предусмотрена, но порядок участия адвоката и обжалования действий определяется соответствующими нормами. Нельзя отказывать в помощи лишь потому, что уголовное дело не возбуждено. Однако и ссылаться на отдельные гарантии уголовного процесса без установления обстоятельств недостаточно: правовое требование должно соответствовать процедуре, которая фактически применяется.

Отсутствие собственного адвоката не означает, что задержанный обязан защищаться один. Для лиц, подвергнутых административному задержанию, предусмотрена бесплатная вторичная правовая помощь. В установленных законом случаях уполномоченный орган должен уведомить соответствующий центр. При этом необходимо учитывать предусмотренные исключения, в том числе ситуацию, когда человек уже пригласил защитника. Для обращения в систему бесплатной правовой помощи действует номер 0 800 213 103. Сообщая о задержании, важно называть человека, указать его известное местонахождение и объяснить, какая помощь требуется.

Не стоит считать вопрос решённым после одной фразы сотрудника: «Адвокату уже сообщили». По возможности необходимо установить, действительно ли уведомлён центр, когда это произошло и известно ли о назначении защитника. Одновременно следует учитывать, что право на бесплатную помощь и фактическое прибытие конкретного адвоката — не одно событие. Пока помощь не предоставлена, важно продолжать фиксировать обращения и происходящие действия. Особенно это существенно, если человеку уже предлагают давать объяснения или подписывать документы.

Прибывшему адвокату необходимо обозначить, к кому он явился, подтвердить полномочия надлежащими документами и ясно сформулировать требование об оказании помощи. Спор на проходной не должен подменять юридическую работу.

Нужно установить, кто принимает решение о недопуске, как оно объясняется и какие варианты общения с доверителем предлагаются. При этом возможность свободно ходить по уч-

реждению и возможность оказать человеку правовую помощь — разные вопросы. В жалобе следует описывать не просто отказ открыть дверь, а конкретное препятствие осуществлению защиты.

Например, адвокат не может встретиться с доверителем, выяснить основания его удержания, обсудить содержание предложенных к подписанию документов или участвовать в предусмотренных законом действиях. Если допускается лишь краткий разговор через проходную в присутствии посторонних, необходимо оценить, позволяет ли такой порядок реально оказать требуемую помощь. Сам факт обмена несколькими словами ещё не означает, что проблема устранена. Особенно если разговор касается обстоятельств, которые человек не может свободно обсуждать при сотрудниках учреждения.

Основой дальнейшей защиты становится фиксация отказа. В хронологии следует указать время прибытия адвоката, предъявленные документы, содержание обращения и полученного ответа. Если сотрудник не представился, это также нужно отразить, не приписывая ему неизвестную фамилию или должность. Можно описать место, где происходил разговор, и указать людей, которые его слышали. Следует сохранять подтверждения подачи письменных обращений, переписку и сведения о телефонных звонках. Чем конкретнее изложены обстоятельства, тем сложнее впоследствии представить ситуацию как обычное недоразумение.

При этом сбор доказательств не должен создавать дополнительную опасность. Нельзя исходить из того, что в любом помещении разрешена любая съёмка. Необходимо учитывать действующие ограничения, особенности объекта и требования безопасности. Но отсутствие видеозаписи не делает жалобу бесполезной: письменные обращения, регистрационные отметки, ответы учреждения, показания очевидцев и последовательная хронология также позволяют устанавливать обстоятельства.

Важна не зрелищность записи, а возможность подтвердить, что именно происходило и каким образом препятствовали помощи.

Продолжение на стр. 15

ТЕЛЕФОН ТРЕБУЮТ РАЗБЛОКИРОВАТЬ: ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПРОВЕРКА И НАЧИНА- ЕТСЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

«Разблокируйте телефон, покажите переписку». Такое требование может прозвучать на блокпосту, во время проверки документов на улице, при посещении государственного учреждения или после доставления в полицию. Решение приходится принимать быстро, нередко в обстановке, когда человек боится возражать и не понимает пределов полномочий проверяющего. Между тем доступ к смартфону означает гораздо больше, чем осмотр находящейся при гражданине вещи. В нём хранятся семейные фотографии, медицинские документы, рабочая переписка, банковские приложения, разговоры с адвокатом и сведения о других людях. Поэтому вопрос о разблокировке устройства напрямую связан с защитой частной жизни.

Правовой ответ нельзя свести ни к утверждению «телефон запрещено проверять при любых обстоятельствах», ни к противоположной формуле «во время войны обязаны показать всё». Значение имеют полномочия сотрудника, основания вмешательства, применяемая процедура и объём информации, к которой он хочет получить доступ. Проверка документа, внешний осмотр устройства, просмотр конкретной фотографии и изучение всей переписки – разные действия.

Одно не становится законным продолжением другого только потому, что происходит на том же месте. Постановление Кабинета министров Украины № 1456 регулирует проверку документов и осмотр вещей при обеспечении мероприятий военного положения, но из этого нельзя выводиться неограниченное право читать содержимое любого смартфона.

Конституционные гарантии тайны общения и защиты личной жизни сохраняют значение и в чрезвычайных обстоятельствах. Статья 31 Конституции Украины касается тайны переписки, телефонных разговоров и другой корреспонденции, статья 32 – защиты личной и семейной жизни. Вместе с тем военное положение допускает отдельные ограничения прав в пред-

усмотренном законом порядке. Поэтому недостаточно сослаться только на общий запрет вмешательства, но столь же недостаточно ответить гражданину одним словом «война». Необходимо установить, какое ограничение действует, кто вправе его применять и каким образом оно относится к конкретному случаю. Особый правовой режим не объясняет законность каждого требования открыть телефон.

Прежде всего нужно понять, что именно от человека требуют. Иногда достаточно предъявить электронный документ, и гражданин самостоятельно открывает соответствующий экран. В другом случае предлагают показать последний снимок, поскольку возникло подозрение в съёмке определённого объекта. В третьем – требуют передать разблокированный смартфон и начинают открывать мессенджеры, галерею, контакты и социальные сети.

Эти ситуации различаются глубиной вмешательства. Предъявление документа на экране не следует автоматически понимать как согласие на изучение остальных приложений, а показ одной фотографии – как разрешение просматривать весь цифровой архив.

Разграничение особенно важно при осмотре вещей. Возможность проверить наличие опасного предмета не означает, что сотрудник получает полномочия прочитать семейный чат или изучить банковские операции. Ссылка на то, что телефон является вещью, не снимает вопроса о защите хранящихся в нём сведений. Устройство имеет материальный корпус, но доступ к содержимому затрагивает самостоятельные права. Осмотр внешних признаков аппарата и исследование сообщений требуют разной правовой оценки. Иначе любое разрешение проверить предмет превращалось бы в разрешение изучить всю информацию, которую владелец способен хранить с его помощью.

На блокпостах ситуация осложняется задачами безопасности. Проверяющих могут интересовать признаки

съёмки военных объектов, расположения сил обороны или иных сведений, распространение которых способно причинить вред. В разъяснении системы бесплатной правовой помощи, опубликованном в 2022 году, допускалась проверка фотографий и видео относительно запрещённых объектов, одновременно отмечалась недостаточная урегулированность самого вопроса проверки телефона. Эту оговорку нельзя игнорировать. Рекомендации, появившиеся в чрезвычайных обстоятельствах, не следует превращать в универсальное разрешение изучать любые данные каждого проезжающего.

Безопасная линия поведения начинается не с физического противодействия, а с уточнения требований. Можно спокойно спросить: «Какова причина проверки? Что именно вы хотите посмотреть? На каком основании требуется доступ к переписке?» Полезно выяснить должность и подразделение проверяющего, насколько это возможно в конкретной обстановке. Задача не в том, чтобы устроить спор на месте, а в том, чтобы понять, идёт ли речь о проверке документов, специальном мероприятии или действиях в рамках уголовного производства. От этого зависит и дальнейший порядок защиты. Одинаково звучащая просьба открыть телефон может сопровождать совершенно разные процедуры.

Особое значение имеет согласие. Гражданин может добровольно показать определённую информацию, но объём такого решения должен быть понятен.

Если человек согласился открыть конкретный снимок, из этого не следует согласие на просмотр сообщений за несколько лет. Если предъявил электронный документ, это не означает разрешения входить в банковское приложение. Полезно обозначить границу словами: «Я показываю этот документ. Согласия на просмотр остальных данных не даю».

Продолжение. Начало на стр. 10

Такая фраза не гарантирует немедленного прекращения спорных действий, но помогает избежать ситуации, когда впоследствии весь доступ описывают как добровольно предоставленный. В то же время добровольность нельзя оценивать только по тому, кто нажал кнопку разблокировки. Если человеку угрожали, обещали удерживать его неопределённое время или поставили доступ к телефону условием прекращения давления, эти обстоятельства требуют проверки. В жалобе важно приводить не только вывод «меня заставили», но и конкретные слова, действия, последовательность событий. Кто потребовал разблокировать устройство, чем сопровождалось требование, можно ли было уйти, присутствовали ли свидетели - именно такие сведения позволяют оценивать происходившее. Передача телефона сама по себе не отвечает на все вопросы о законности последующего доступа.

Нередко звучит аргумент: «Если скрывать нечего, покажите». Он не заменяет правового основания. Человек может не желать раскрывать переписку, потому что обсуждает заболевание, семейный конфликт, финансовые трудности или чужие обстоятельства. Нежелание открывать интимные сведения не равнозначно признанию противоправного поведения. Но неправильно и утверждать, будто отказ никогда не может сопровождаться дальнейшими законными действиями. Если существуют самостоятельные основания подозревать правонарушение, уполномоченные лица могут применять предусмотренные законом процедуры. Законность этих действий должна оцениваться отдельно от самого стремления сохранить частную жизнь.

Отдельный вопрос - требование назвать пароль. Сообщение постоянного кода может открыть доступ не только к текущему экрану, но и к дальнейшему использованию устройства. Поэтому необходимо различать показ информации самим владельцем, передачу разблокированного телефона и раскрытие средств доступа. Нельзя обещать, что ссылка на право не свидетельствовать против себя автоматически разрешит любую ситуацию с паролем. Правовая оценка зависит от статуса человека, содержания тре-

бования и процедуры. Если вопрос возникает в рамках расследования, желательно обсудить его с адвокатом до согласия на действия, последствия которых непонятны.

При этом пароль не обеспечивает абсолютной юридической неприкосновенности устройства. Уголовный процессуальный кодекс предусматривает возможность преодоления логической защиты во время обыска при установленных им условиях. В частности, соответствующие полномочия следователя или прокурора связаны с отказом присутствующего лица деактивировать защиту либо отсутствием таких лиц при проведении обыска. Эти положения относятся к определённой процессуальной ситуации. Переносить их на обычную уличную проверку нельзя. Но нельзя и убеждать человека, что отказ сообщить код всегда исключает последующий доступ к данным.

Проверка документов и обыск в уголовном производстве - принципиально разные обстоятельства. Во втором случае необходимо установить, какое действие проводится, кем и на основании какого процессуального решения. При наличии судебного определения следует разбираться в его содержании и пределах разрешённых действий. Однако формула «без отдельного судебного решения именно на этот телефон доступ невозможен всегда» также ненадёжна. Закон предусматривает различные способы получения и исследования информации, а при обыске - специальные полномочия относительно электронных устройств. Законность определяется по совокупности обстоятельств, а не по одному наличию знакомого названия документа. Если телефон забирают, возникает самостоятельный вопрос об основании и оформлении изъятия. Человеку необходимо понимать, что

получил устройство, в рамках какой процедуры и какой документ это подтверждает. Кратковременное предъявление аппарата и его фактическое изъятие нельзя смешивать. Если телефон увозят, оставляют в учреждении или отказываются возвращать, происхождение должно получить соответствующую правовую оценку. В уголовном производстве действуют специальные правила обращения с электронными устройствами. Практическая задача владельца и адвоката - добиться точного отражения того, что изъято, кем и при каких обстоятельствах, а не удовлетворяться обещанием «потом отдадим».

Описание устройства важно и для последующего возврата. В документах необходимо проверять модель, внешние признаки, указанные идентификаторы и комплектность, если такие сведения вносятся. Следует отдельно обращать внимание на действия с данными: ограничились ли сотрудники просмотром экрана, копировали ли файлы, фотографировали ли переписку, подключали ли аппарат к другому оборудованию. Не нужно утверждать то, чего человек не видел. Но наблюдавшиеся действия полезно сразу сообщить адвокату.

Возвращение материального предмета и оценка правомерности получения информации из него - связанные, но не тождественные вопросы. Сам по себе возврат смартфона не означает, что вмешательство закончилось без последствий. Информация могла быть скопирована, переслана или зафиксирована на другом устройстве. При этом право получить сведения в определённой процедуре не следует смешивать с возможностью произвольно распространять их дальше.

Продолжение на стр. 14

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ: ЧТО МЕНЯЕТСЯ ПОСЛЕ 22 ОКТЯБРЯ

С 22 октября 2026 года в Украине вступил в силу новый Закон «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещённых лиц». Он заменил закон 2014 года и изменил ряд правил, с которыми переселенцы сталкиваются при оформлении документов, получении помощи, решении пенсионных и жилищных вопросов. Но принятие нового закона не означает, что всем необходимо срочно переоформлять статус или заново обращаться за каждой ранее назначенной выплатой. Одно из наиболее важных переходных положений касается именно документов: ранее выданные справки ВПО сохраняют силу и обязательной замены не требуют.

Для людей, уже переживших потерю дома и неоднократные переезды, это существенная гарантия. Любая перемена в законодательстве вызывает понятные опасения: не придётся ли снова собирать документы, подтверждать обстоятельства перемещения, стоять в очередях, доказывая право на поддержку. В данном случае смена закона сама по себе не обнуляет прежний учёт. Поэтому требование заменить справку исключительно со ссылкой на появление новых правил нуждается в конкретном правовом обосновании. Человеку важно понимать, какая именно процедура ему предлагается: исправление сведений, оформление нового документа по его обращению или обязательное переоформление, якобы необходимое всем переселенцам. Это разные ситуации, и объяснять их одинаково нельзя.

В дальнейшем подтверждать постановку на учёт должна выписка из Единой информационной базы данных о внутренне перемещённых лицах. Предусмотрены две формы — бумажная и электронная. Это важно: переход к цифровым процедурам не должен лишать доступа к документам тех, кто не пользуется смартфоном, не имеет устойчивого подключения к интернету или нуждается в посторонней помощи при работе с электронными сервисами.

Старая справка и новый порядок выдачи выписок относятся к разным этапам регулирования, и смешивать

их не следует. Появление нового документа ещё не означает недействительности прежнего.

Изменился срок, в течение которого необходимо сообщать о новом фактическом месте проживания. Теперь на это отводится 30 календарных дней. Для семьи, которая вынуждена искать жильё и переезжать, дополнительное время имеет вполне практическое значение.

Переезд редко сводится к перевозке вещей: приходится договариваться с собственником квартиры, устраивать детей, искать работу, обращаться в медицинские учреждения. Однако уведомление об изменении адреса остаётся обязанностью переселенца. Увеличение срока не следует понимать как разрешение вообще не обновлять сведения. Здесь особенно важно отличать дату самого переезда от даты последующего обращения: именно последовательность событий позволяет понять, соблюден ли установленный срок.

Закон предусматривает и развитие электронного взаимодействия, в том числе создание кабинета внутренне перемещённого лица. Предполагается, что он будет использоваться не только для работы с учётными данными, но и для оценки потребностей человека, доступности поддержки и условий его жизни на новом месте. Вместе с тем законодательное решение о создании сервиса и его фактическая готовность — не одно и то же. Нельзя исходить из того, что со дня вступления закона в силу все предусмотренные электронные возможности уже доступны каждому. Для части механизмов необходимы дополнительные решения и организационная подготовка. Поэтому обещания упростить взаимодействие с государством следует оценивать и по практическому результату: может ли человек воспользоваться услугой, получить понятный ответ и завершить оформление без повторных обращений.

Особого внимания заслуживают положения о пенсиях. Новый закон закрепляет недопустимость дополнительных или отличных от общего порядка требований к назначению, вы-

плате и перерасчёту пенсии, а также к переводу с одного её вида на другой только потому, что человек состоит на учёте как ВПО. Смысл этой нормы понятен: вынужденное перемещение не должно само по себе превращать получение пенсии в более сложную процедуру.

При этом речь не идёт об отмене общих требований пенсионного законодательства. Для назначения пенсии по-прежнему имеют значение предусмотренные законом условия и документы. Принципиально другое: дополнительные препятствия не должны возникать исключительно из-за статуса переселенца. При споре с пенсионным органом важно установить, на каком основании предъявлено конкретное требование и распространяется ли оно на соответствующую категорию пенсионеров в целом либо только на людей, состоящих на учёте ВПО. Без такого разграничения легко принять обычную процедуру за специальное ограничение или, наоборот, не заметить дополнительное условие, которое фактически ставит переселенца в худшее положение.

Не менее чувствителен жилищный вопрос. Новый закон устанавливает, что проживание в предусмотренном им жильё для временного размещения переселенцев не ограничивается установленными сроками во время действия военного или чрезвычайного положения и в течение шести месяцев после его прекращения либо отмены. Для семьи, которая не может вернуться домой и не располагает средствами на аренду, окончание формального срока проживания способно обернуться угрозой остаться без крыши над головой. Новая гарантия направлена на то, чтобы сам по себе такой срок не становился причиной утраты временного жилья, пока сохраняются чрезвычайные обстоятельства.

Однако эту норму нельзя понимать как передачу помещения в собственность или безусловное право беспроечно пользоваться любым предоставленным жильём. Значение имеет правовой статус объекта и основание проживания.

Продолжение на стр. 13

Продолжение. Начало на стр.12

Место в общежитии, помещение в модульном городке и квартира, снимаемая по частному договору, могут подчиняться разным правилам. Поэтому выводы о правах конкретной семьи необходимо делать по документам, а не только по бытовому названию жилья. Гарантия продолжительности временного размещения не отменяет необходимости выяснить, относится ли помещение к предусмотренной законом категории.

Отдельные изменения затрагивают детей, родившихся уже после перемещения родителей. Новый закон не предусматривает автоматического признания такого ребёнка внутренне перемещённым лицом лишь на основании того, что его родители ранее покинули своё место проживания. Одновременно при предоставлении поддержки переселенцам должен учитываться факт рождения ребёнка после переезда семьи.

Здесь важно не подменять один вопрос другим. Собственный статус ребёнка и право семьи на конкретный вид помощи - не одно и то же. Из отсутствия автоматического признания ребёнка ВПО нельзя делать вывод, что семья лишается всей государственной поддержки. Но и общее положение об учёте рождения ребёнка само по себе не подтверждает право на любую выплату. У каждой программы есть условия назначения, которые необходимо рассматривать отдельно. Тем более нельзя без проверки переходных положений переносить новые правила на детей, чьи документы уже оформлены. Для родителей наиболее существенен не общий ответ о «новом статусе», а понимание того, какие последствия изменения имеют именно для их семьи и конкретного обращения за помощью.

В целом закон ориентирует систему поддержки на оценку потребностей переселенцев. За одинаковым статусом могут стоять совершенно разные жизненные обстоятельства: одна семья располагает работой и жильём, другая живёт во временном помещении и несёт расходы на постоянное лечение. Учёт таких различий имеет значение для адресной помощи. Но сам по себе переход к оценке потребностей не означает, что с 22 октября всем назначается новая выплата или автоматически увеличивается уже существующая. Размеры, сроки и усло-

вия предоставления конкретной помощи нужно проверять по правилам соответствующей программы.

Предусмотрено также участие переселенцев в обсуждении местных решений через консультативно-совещательные советы. Это касается вопросов, которые трудно решить одним индивидуальным обращением: доступности жилья, организации услуг, учёта потребностей семей при планировании работы общины. Однако такой совет не подменяет орган, назначающий выплату, и не принимает вместо него решение по заявлению человека. Его задача - представлять интересы переселенцев при обсуждении общей политики, а не заменять предусмотренные законом административные процедуры.

Таким образом, повседневное значение нового закона складывается из вполне конкретных вещей: действительности прежней справки, более продолжительного срока для сооб-

щения о переезде, запрета дополнительных пенсионных требований из-за статуса ВПО, гарантий временного проживания. Именно эти положения имеют для человека большее значение, чем общие обещания обновить систему поддержки.

В то же время часть предусмотренных законом механизмов требует дальнейшего нормативного и организационного оформления. Поэтому в каждом случае необходимо различать три обстоятельства: что уже гарантировано законом, какой порядок установлен для реализации этой гарантии и какое решение принято в отношении конкретного заявителя. Обновление законодательства не должно становиться поводом требовать лишние документы или отправлять человека заново проходить уже завершённые процедуры. Но и ожидать, что сам факт вступления закона в силу немедленно решит вопросы выплат, жилья и доступа к услугам, не стоит.

Продолжение. Начало на стр.10,11

Особенно чувствительны медицинские документы, семейные фотографии, информация о детях и переписка с людьми, которые не участвуют в происходящем. В обращении необходимо указывать известные факты копирования или передачи данных. Если неизвестно, создавались ли копии, корректнее просить установить это обстоятельство, а не представлять предположение как доказанный факт.

Если в устройстве содержатся материалы, связанные с профессиональной тайной, об этом необходимо сообщить адвокату отдельно. Например, телефон может использоваться для общения с защитником или хранения рабочих документов со сведениями о других людях. Недостаточно произнести слово «тайна», чтобы любые действия автоматически прекратились. Но и оставлять этот факт незаявленным неправильно: он может влиять на оценку допустимых пределов доступа и обращения с информацией. Такие вопросы разбираются по конкретному виду сведений и применимой процедуре, а не исходя из представления о телефоне как о едином открытом архиве.

Когда проверка сопровождается запретом уйти, проблема уже не ограничивается частной жизнью. Возникает вопрос об ограничении свободы: человек остаётся на месте добровольно или фактически удерживается? Можно спокойно спросить, задержан ли он, кем принято решение и на каком основании. Ответ необходимо сопоставлять с реальными обстоятельствами. Если говорят, что задержания нет, но выйти не разрешают, это противоречие следует описать. Важно фиксировать время, поскольку последующая оценка зависит не только от содержания проверки, но и от продолжительности ограничений, применённых мер и оформления документов.

В такой ситуации обращение за юридической помощью приобретает особую срочность. Следует прямо заявить о желании связаться с адвокатом. При отсутствии собственного защитника можно обратиться в систему правовой помощи. При этом консультация и назначение адвоката для участия в конкретной процедуре - не одно и то же: основания предоставления соответствующего вида помощи необходимо уточнить. Сообщая о происходящем,

полезно назвать место, время начала ограничения свободы, подразделение и известные сведения о сотрудниках. Это помогает юристу определить необходимый способ реагирования.

Не всегда возможно вести видеозапись. На блокпостах и рядом с военными объектами действуют ограничения, связанные с безопасностью, поэтому совет «снимайте всё» способен создать дополнительный риск. Нельзя ради фиксации предполагаемого нарушения игнорировать законные требования, защищающие военную информацию.

Но отсутствие записи не исключает жалобу. Значение могут иметь письменные обращения, документы, сведения очевидцев и другие подтверждения. Если человек не мог пользоваться телефоном потому, что аппарат находился у сотрудников, это обстоятельство также необходимо указать. Доказывание происшедшего не сводится к наличию собственного видео.

В документах важно проверять формулировки о добровольности. Если написано, что владелец по собственной инициативе предоставил телефон и разрешил неограниченный просмотр, а события происходили иначе, оставлять такое описание без внимания опасно. Следует добиваться отражения замечаний и консультироваться с адвокатом о порядке их внесения. Отказ от подписи не является универсальным решением: он не уничтожает документ и не разрешает дальнейшие споры. Существенно, чтобы позиция человека была выражена определённо: что он согласился показать, против каких действий возражал и какое давление, по его словам, оказывалось.

При этом нельзя переходить от защиты прав к действиям, создающим отдельную проблему. Не следует физически бороться за аппарат, повреждать его или пытаться уничтожить данные в момент процессуальных действий. Правовые возражения, требование объяснить основание вмешательства и обращение к адвокату не равнозначны силовому сопротивлению. Даже когда человек считает проверку незаконной, приоритетом остаются безопасность и возможность последующего обжалования. Неудавшаяся попытка добиться немедленного объяснения не означает, что необходимо согласиться с любым последующим описанием собы-

тий или отказаться от защиты.

Адресат жалобы определяется тем, кто проводил проверку и в рамках какой процедуры. Обращение руководителю подразделения может ставить вопрос о проверке действий сотрудников. Омбудсману можно сообщить о вмешательстве в частную жизнь и нарушениях при обращении с персональными данными. Если происходящее связано с уголовным производством, способы обжалования выбираются по уголовному процессуальному законодательству. При наличии признаков преступления требуется отдельная оценка оснований для сообщения органу расследования. Нельзя обещать, что любое обращение автоматически приведёт к уголовному делу или признанию полученных сведений недопустимыми.

Особая осторожность необходима, если после проверки обнаружили посторонние действия в аккаунтах, исчезновение файлов или распространение переписки. Нельзя автоматически приписывать их конкретному сотруднику только потому, что он держал телефон. Следует сохранить доступные подтверждения и сообщить специалисту, что изменилось и когда это обнаружено. Вопрос безопасности учётных записей необходимо отделять от уничтожения потенциально значимых сведений. Дальнейшие действия с устройством желательно согласовывать с адвокатом и, при необходимости, техническим специалистом, чтобы не утратить доказательства и не создать новых рисков.

Граница между законной проверкой и произвольным вмешательством определяется не вежливостью требования, а полномочиями, основанием, целью, объёмом доступа и соблюденной процедурой. Интересы безопасности не превращают всю личную жизнь гражданина в материал для бесконтрольного просмотра. Но право на частную жизнь не исключает предусмотренных законом следственных действий. Практическая защита состоит в том, чтобы различать эти ситуации, выяснять основания, не расширять молчаливо объём согласия и фиксировать происходящее. Человеку не нужно доказывать, что его переписка достаточно безобидна, чтобы заслуживать защиты. Объяснения требуют само вмешательство - кто его осуществляет, зачем и в каких пределах.

Продолжение. Начало на стр.8.9

Письменное требование должно быть связано с текущей ситуацией. В нём можно поставить вопросы о правовом основании ограничения свободы, ответственном должностном лице и причинах препятствий в доступе к помощи. Содержание обращения зависит от статуса доверителя и установленных обстоятельств. Универсальный бланк не заменяет правовой оценки. Однако общая задача понятна: добиться реального доступа к помощи и получить объяснение происходящего, а не только зафиксировать конфликт между адвокатом и работником пропускного пункта.

Если отказ дают исключительно устно, это не лишает возможности жаловаться. В обращении указываются время и место разговора, содержание требования, ответ сотрудника и известные свидетели. Необходимо отдельно отметить, что письменные причины отказа не предоставлены, если это действительно так. Не следует украшать изложение предположениями о мотивах должностных лиц. Для проверки важнее описание действий: кому препятствовали, в чём состояло препятствие, сколько оно продолжалось и какие последствия имело для человека.

Выбор адресата зависит от характера нарушения. Руководству учреждения направляется требование устранить препятствия и обеспечить законную процедуру. Омбудсману можно сообщить об ограничении доступа к адвокату, невозможности установить местонахождение человека и других обстоятельствах нарушения прав. При этом необходимо прямо написать, продолжается ли ситуация в момент обращения. Жалоба на уже завершившийся эпизод и сообщение о человеке, которого сейчас удерживают без юридической помощи, требуют различной срочности реагирования.

Если обстоятельства указывают на возможное преступление, необходимо обращаться в компетентный орган расследования. Речь может идти о насилии, угрозах, незаконном удержании либо воспрепятствовании правомерной деятельности защитника. Подследственность определяется с учётом предполагаемого нарушителя и характера действий. Поэтому нельзя советовать всем без исключения направлять одинаковое заявление в

один и тот же орган. Важно изложить факты и добиться их надлежащей правовой оценки, а не ограничиться эмоциональным требованием «наказать виновных».

Статья 397 Уголовного кодекса Украины предусматривает ответственность за вмешательство в деятельность защитника или представителя лица. Но не каждый спор при входе в учреждение автоматически образует состав преступления. Значение имеют полномочия адвоката, законность оказываемой помощи, характер созданных препятствий и другие обстоятельства. Упоминание уголовной ответственности не должно становиться заменой доказательств. Напротив, именно подробное описание событий позволяет поставить вопрос о том, имело ли место противоправное воспрепятствование работе защитника.

Судебный способ защиты также выбирается с учётом процедуры. Административное задержание, действия в уголовном производстве и решения учреждения вне уголовного процесса нельзя обжаловать по одной универсальной схеме. Ошибка в определении предмета обращения способна затянуть рассмотрение, тогда как человеку помощь требуется сейчас. Поэтому задача адвоката - не только направлять жалобы, но и установить, какой правовой механизм способен прекратить конкретное нарушение. Количество обращений само по себе не гарантирует результата.

Родственникам в этой ситуации полезнее всего собирать проверяемую информацию. Где человека видели последний раз, когда он выходил на связь, кто сообщил о доставлении, в какое учреждение он попал, просил ли адвоката - эти сведения помогают восстановить картину. Неизвестное

нельзя подменять предположениями. Фраза «с такого-то времени не выходит на связь, подтверждения его местонахождения не получили» точнее неподтверждённого рассказа о происходящем внутри. Если связь восстановилась, важно передать адвокату новые сведения, а не продолжать распространять устаревшую версию событий.

Особая осторожность нужна при подписании документов. Человек должен понимать, что именно ему предлагают подписать и какие последствия это может иметь. Необходимо заявлять о потребности прочитать текст и получить юридическую помощь. Но и отказ от подписи не является универсальным средством защиты: он не отменяет автоматически процедуру и не устраняет последствия уже совершённых действий. Если подпись получена под давлением, защитнику нужно подробно сообщить, кто присутствовал, какие требования предъявлялись, были ли угрозы и сохранились ли подтверждения.

Доступ к адвокату нельзя считать обеспеченным лишь потому, что человеку разрешили назвать его фамилию или один раз позвонить. Значение имеет реальная возможность получить предусмотренную законом помощь. Поэтому при недопуске необходимо одновременно добиваться прекращения текущего нарушения и сохранять сведения для последующей проверки. Установленный статус человека, точное время ограничения свободы, зафиксированное требование о помощи и описание препятствий создают основу защиты. Без них даже серьёзное нарушение рискует остаться спором, в котором словам задержанного и его адвоката противопоставят формальное объяснение учреждения.

Продолжение. Начало на стр. 7

Но публикация секретных военных сведений, помощь противнику или иные конкретные действия могут подпадать под уголовный закон. Поэтому при риске преследования важно получить индивидуальную консультацию украинского адвоката, а не полагаться на советы из социальных сетей.

При контакте с ТЦК необходимо сохранять документы, выяснять правовое основание предъявляемых требований и получать копии решений, которые затрагивают права человека. Если гражданина задерживают, применяют к нему силу или препятствуют доступу к адвокату, следует по возможности фиксировать время и место происшествия, данные сотрудников, свидетелей и обстоятельства случившегося. При травмах важно обратиться за медицинской помощью и сохранить документы, подтверждающие повреждения. Не следует рисковать жизнью ради видеозаписи или вступать в физическое противостояние с вооружёнными людьми.

Если человек считает, что его незаконно удерживали, избили или принуждали подписать документы, он может обратиться к адвокату, в прокуратуру, правоохранительные органы и к Уполномоченному Верховной рады Украины по правам человека. Следует сохранять копии заявлений и подтверждения их подачи, фиксировать ответы и сроки. При несогласии с медицинским заключением необхо-

димо получить документы комиссии и выяснить порядок пересмотра. Если есть основания полагать, что решение принято с нарушениями, их следует излагать конкретно и подкреплять медицинскими заключениями и другими доказательствами.

Если человек публично критикует власть или выступает за переговоры, полезно сохранять точную формулировку своих заявлений и контекст, не распространять непроверенные сведения и не публиковать данные, способные раскрыть военную информацию. При угрозах или вызове на допрос не стоит игнорировать ситуацию или пытаться решить её через анонимные советы: нужно получить юридическую помощь и выяснить свой процессуальный статус. Если речь идёт о возможном преследовании за политические взгляды, адвокат может оценить доступные механизмы обжалования и, при необходимости, международные процедуры защиты.

Наконец, важно помнить, что право на защиту не означает гарантированного освобождения от мобилизации. Украинское законодательство предусматривает воинскую обязанность, а основания для отсрочки, освобождения или альтернативной службы имеют конкретные правовые условия. Но ни одно из этих правил не даёт должностным лицам права на пытки, унижающее достоинство обращение или произвольное лишение свободы. Даже если требование о прохождении мобилизационной процедуры закон-

но, насилие и незаконные методы не становятся законными автоматически.

Чрезвычайные обстоятельства могут оправдывать определённые ограничения, но не уничтожают сам принцип правовой защиты. Конституция Украины закрепляет право на свободу выражения мнения, личную неприкосновенность и судебную защиту. Ограничения этих прав должны иметь законное основание и отвечать требованиям необходимости и соразмерности. Государство не может объявить любое несогласие угрозой национальной безопасности только потому, что политическая критика мешает ему добиваться общественного единства.

Человек не обязан доказывать, что он патриот, прежде чем получит защиту от насилия. Он не обязан демонстрировать готовность умереть, чтобы иметь право задавать вопросы о целях войны. Он не обязан соглашаться с президентом, чтобы пользоваться свободой выражения мнения. И он не должен автоматически считаться сторонником противника лишь потому, что считает переговоры предпочтительнее продолжения боевых действий.

Права человека - не награда за лояльность власти. Они существуют именно для того, чтобы гражданин мог защищаться в ситуации, когда государство обладает несопоставимо большей силой. Чем больше государство требует от человека, тем строже оно должно соблюдать собственные правовые обязательства.

